

4. Елисеев М.Б. Римско-македонские войны. Легион против фаланги. М., 2016.
5. Кашеев В.И. Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия. М., 1993.
6. Павсаний. Описание Эллады. Т. 2. СПб., 1996.
7. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1994.
8. Полибий. Всеобщая история. Т. 3. СПб., 1995.
9. Тит Ливий. История Рима от основания Города. Т. 3. М., 1993.
10. Токмаков В.И. Рим и Македония в споре за Элладу: варвары покоряют греков. Античная цивилизация и варвары. М., 2006.
11. Шофман А.С. История античной Македонии. Ч. 2. Казань, 1963.
12. Шкрабо Д.[М.] Битва при Пидне // Воин. 2004. № 17. С. 6–19.

Б.У. Китинов

Эмир Ноуруз и распространение ислама у ойратов в Персии

В настоящей статье автор изучает отдельные стороны истории распространения ислама среди ойратов в иль-ханской Персии. Одним из видных ойратов, принявших ислам, был Ноуруз – сын Аргун-аки, буддиста, известного правителя Хорасана при ранних иль-ханах. Именно Ноуруз убедил нового иль-хана Газана принять ислам и запретить иные религии, в частности, буддизм, преобладавшие при дворе этих монгольских правителей Персии. Сам Ноуруз стал мусульманином по политическим причинам. Эти же причины, а также экономические, социальные и др., стали основанием для принятия ислама многими ойратами Персии и Ближнего Востока во второй половине XIII – первой половине XIV вв. Исламизация ойратов привела к потере ими своей идентичности с последующей ассимиляцией мусульманским окружением.

Ключевые слова: ойраты, исламизация ойратов, идентичность ойратов, иль-ханы, Ноуруз.

Монгольские завоевания сыграли, вероятно, важнейшую роль в истории религий. Благодаря монголам, была трансформирована не только религиозная карта Евразии и соседних регионов, но также произошли

определенные изменения и в мировоззрении самих монгольских народов. К наиболее фундаментальным следует отнести их знакомство с мировыми религиями: буддизмом, христианством и исламом. Эти учения, проникая к монголам в разные периоды их более ранней истории (особенно буддизм и христианство), не оказали столь значимого влияния, как это случилось после начала Чингисханом знаменитых завоевательных походов.

В своих предыдущих работах автор уже изучал отдельные аспекты религиозной истории монгольских народов в разные периоды [3; 10]. В настоящей статье внимание уделяется, в основном, судьбе Ноуруза – сына Аргун-аки, известного ойратского деятеля, сыгравшего видную роль в истории Персии. Вероятно, Ноуруз был в числе первых ойратов, принявших ислам. Также в статье рассматриваются отдельные стороны истории ислама у ойратов, прибывших в Персию совместно с войсками Хулагу, одного из сыновей Тогуя, младшего сына Чингисхана.

Буддисты в Персии: Аргун-ака и Хулагу иль-хан

Первые ойраты¹ появились на землях Персии еще в период первой волны завоевательных походов монголов, когда отряды этих кочевников дошли до Венгрии и Румынии. Монгольские войска были расквартированы в различных частях Персии и со временем стала очевидной необходимость организации там устойчивого присутствия и управления. Перемены начались с 1242 г., когда после смерти хагана Угэдэя (сына Чингисхана) его вдова Туреген-хатун начала заменять старых сановников из круга Чингисхана. Одним из первых ее решений в тот год было отправить Аргун-аку, происходившего из ойратов, в Хорасан в качестве губернатора. Он с детства был причислен к элитному сословию турхаут-кешигтенов и, судя по назначению на столь высокую должность, к рассматриваемому времени пользовался большим доверием у монгольских военачальников.

Став правителем огромного региона Хорасана, Аргун-ака смог раскрыть свои административные таланты. Он хорошо известен в истории благодаря своим достижениям как политика и регионального правителя времен ранних Иль-ханов. Как отмечал Рашид-ад-Дин, Аргун-ака «до Хулагу хана прибыл в сие царство в должности битикчия по указу Мэнгу-каана²» [5, с. 22], и «постепенно становился большим

¹ Следует различать этнический состав ойратов разных веков. Автор уже затрагивал эту проблему в ряде своих публикаций, см., например [4].

² Как было отмечено выше, его послала в Персию Туреген-хатун, т.е. он прибыл туда еще до начала правления Мэнгу-хагана.

и уважаемым человеком, пока не достиг правления и баскакства над страной Ирана» [6, с. 121]. Надо отметить, что Аргун-ака был ревностным буддистом.

Государство ильханов в Персии возникло после того, как туда в 1256 г. прибыл Хулагу, получивший титул «Иль-хан» (монг. «младший хан»). Незадолго до этого Мэнгу-хаган направил туда Байджу-нойона с войском «для защиты иранских владений. По прибытии... он [Байджу. – Б.К.]... послал гонца и жаловался на еретиков и на багдадского халифа» [5, с. 22; см. также 7, с. 43]. Под еретиками подразумевались ассасины – последователи одного из течений исмаилизма, направленных в шиизме, терроризировавшие как мусульманских, так и европейских христианских правителей. Мэнгу принял решение направить в Иран своего младшего брата Хулагу, определив ему во владение «западные области Иранской земли, Сирию, Миср, Рум и Армению» [5, с. 23]. Он специально указал Хулагу уничтожить укрепления и крепости ассасинов:

*Срой Гирдекух и крепость Люмбесер,
Переверни их головою вниз, а телом вверх,
Не допускай, чтобы на свете была (хоть одна) крепость,
Чтобы (оставалась) от (нее даже куча) праха*

[Там же, с. 24].

Совместно с Хулагу в числе иных военачальников в Персию направился и Бука-Тимур – внук Чингисхана и Худуха-беки, правителя ойратов; определенная часть его войска состояла из ойратов. Надо отметить, что, скорее всего, с его именем можно соотнести первое упоминание в источниках об ойратах в Западной Азии [Там же, с. 29]. Хулагу разгромил ассасинов и устроил свою столицу в Тебризе. Он был чрезвычайно верующим буддистом, поддерживал отношения с тибетскими ламами и даже, по согласованию с Мэнгу, обладал определенным влиянием в западных регионах Тибета. В частности, согласно «Красной книге» Кунга Дордже, первый Иль-хан посылал подношения главе тибетской буддийской школы Пагмоду Гьялва Римпоче Драгпа Цонду (Rgyal ba rin po che grags pa brtson 'grus); последнее посольство прибыло к Римпоче в начале 1267 г., т.е. спустя два года после смерти Хулагу [14, р. 122].

Его современник, армянский историк Киракос Гандзакечи, так описывал веру Хулагу в буддизм и буддийских священников: «И еще построил [Хулагу] обиталища для огромных идолов, собрав там всяких мастеров: и по камню, и по дереву, и художников. Есть [у них] племя

одно, называемое тоинами¹. Эти [тоины] – волхвы и колдуны, они своим колдовским искусством заставляют говорить лошадей и верблюдов, мертвых и войлочные изображения. Все они – жрецы, бреют волосы на голове и бород... и поклоняются всему, а паче всего – Шакмони и Мадриду². Они обманывали его (Хулагу), обещая ему бессмертие, и он жил, двигался и на коня садился под их диктовку, целиком отдав себя на их волю. И много раз на дно кланялся и целовал землю перед их вождем, питался [пищей], освященной в кумирнях, и возвеличивал его³ более всех остальных. И поэтому он собирался построить храм их идолов особенно великолепным» [2]. Вообще же, Иран ранних ильханов был покрыт буддийскими пагодами и храмами, ламы и буддийские учителя приглашались из Тибета, Индии и Китая. Что касается влияния буддийских служителей, то оно было значительным; например, еще в ходе похода на Багдад Хулагу, принимая решения, опирался на мнения «бахшиев»⁴ и на результаты гаданий на бараньей лопатке [5, с. 39–40].

Старшая жена Хулагу была Докуз-хатун из племени керейтов, исповедовавшая христианство [Там же, с. 18], скорее всего, несторианство. Как писал Киракос Гандзакечи, «а старшая над его женами, Тохуз-хатун, была христианкой. Она, хотя и неоднократно укоряла его, однако не смогла оторвать от волхвов; сама же, поклоняясь богу, защищала христиан и помогала им» [2]. Также среди жен Хулагу были ойратки Гуюк-хатун и Олджей-хатун, всего у него было 14 сыновей и 7 дочерей.

Со смертью хана Хулагу в 1265 г. у ильханов сохранялись связи с Тибетом и с другими буддийским регионами, однако контакты не были устойчивыми. «В том же году скончался Хулагу, а также жена его Тохуз-хатун. И престол его занял в 714 (1265) году сын его Абагахан; он взял себе в жены дочь ромейского царя по имени Деспинахатун, которая прибыла с большой торжественностью, а с ней вместе [прибыли] патриарх антиохийский и другие епископы. Она же привезла и владыку Саргиса, епископа езенкайского, и вардапета Бенера. И, окрестив Абага-хана, дали ему эту девушку в жены» [Там же]. Таким образом, новый иль-хан Абака (правил в 1265–1282 гг.), оставаясь буддистом, оказывал знаки уважения и христианству православного

¹ Тоинами были, как правило, буддийские священнослужители высокого (знатного) происхождения, в т.ч. из числа представителей монгольских народов.

² Под Шакмони имеется в виду Будда Шакьямуни, под Мадридом следующий будда – Майтрейя.

³ Здесь подразумевается упомянутый выше «вождь», т.е. главный буддийский священник.

⁴ Бахши (багши, от санскр. *bhikṣu* – буддийский монах) – буддийский священнослужитель (лама).

направления. Понимая необходимость сохранения межрелигиозного мира, что было важно согласно установлениям Ясы Чингисхана, Абака оказывал поддержку и другим религиям, в частности, исламу. Как писал Хондемир, «вообще во время правления Абака-хана шейхи и сеиды, орошенные дождем из облака благоденствий и даров его, получили новую жизнь, и все достойные и ученые люди, в царствование его, извлеченные из угнетения мрака, спешили к источнику спокойствия и довольства» [7, с. 47].

Аргун-ака и Ноуруз при наследниках Хулагу

В 1265 г. Абака пожаловал Аргун-аке титулы муктаик-мамалика (сборщик налогов) и везира Хорасана. Он оставался на этом посту до своей кончины в 1275 г. Хорасан был культурной столицей исламского мира, здесь творили такие великие мыслители, как ибн Сина, аль-Фергани, отсюда родом был везир Назир ад-дин-Туси. Это был важный регион для Персии, и подтверждение высокой позиции Аргун-аки говорит не только о верности выбора, сделанного еще в 1242 г., но и о высоком доверии как к этому выдающемуся деятелю, так и к его окружению.

После Абаки правителем стал Текудер, его брат, принявший ислам и назвавшийся султаном Ахмедом. Он стал притеснять иные религии, хотя «бахшии» и «шаманы» продолжали иметь влияние [5, с. 101]. Многие из окружения иль-хана проявляли недовольство такой религиозной политикой, возрастали межконфессиональные трения и разногласия. Правление Текудера длилось недолго, немногим более двух лет, когда после ряда боевых столкновений власть захватил его племянник Аргун, сын Абаки. Аргун считается в исламской историографии врагом ислама и ярым последователем буддизма. Он был правителем Хорасана после смерти Аргун-аки, поддерживался сыном Аргун-аки Ноурузом, который в то время командовал в этом регионе воинами караунами. Новый иль-хан назначил своего 13-летнего сына Газана правителем Хорасана вместо себя, а Ноуруза поставил его «атабеком» (охранителем).

Иль-хан Аргун стал достойным продолжателем пробуддийской религиозной политики своего отца Абаки, у него в окружении были буддийские священнослужители и шаманы. «Аргун-хан очень верил бахшиям и их правилам и постоянно оказывал этим людям покровительство и поддержку» [Там же, с. 126]. Буддизм вновь, как и при Хулагу, получил мощную поддержку от властей иль-ханства. Интересные сведения приводит Рашид-ад-Дин, который описывает наличие у ойратов и монголов буддийской практики кремации и сохранения шарирь (от санскр. *sharira* – «кость», «крепкая опора»), по мнению верующих, магических останков в виде небольших шариков, остающихся

в погребальном костре от тела просветленного человека: «7 числа месяца сафара того же года¹ скончалась Туглук-хатун дочь Тенгиза-тургена из (рода) ойрат, мать царевича Хитай-огула. 7 числа месяца раби-ал-авваль от улуса Нокая приехали гонцы на берег Джуй-и нов и доставили шариль. У идолопоклонников такое (поверье) есть: когда сжигали Шакьямуни-бурхана, его пишдиль, кость прозрачная, подобно стеклянному шарик, не сгорел. Мнение у них такое: если кого-либо, кто достиг высокого положения, подобно Шакьямуни-бурхану, будут сжигать, шариль его не сгорит. Короче говоря, когда его (шариль) везли, Аргун-хан вышел навстречу, его осыпали цветами, ликовали и несколько дней предавались пиршествам и увеселениям» [5, с. 117–118]. Знание таких тонкостей Рашид-ад-Дином показывает, что этому персидскому вельможе были известны положения буддизма, что неудивительно. Персия издревле поддерживала сношения с Индией, и буддизм проник на ее территорию еще на стыке эр.

Газана, своего сына-наследника, Аргун также воспитал в буддийском духе, поэтому он рос чрезвычайно верующим буддистом, с пяти до десяти лет воспитывался под присмотром «бахши», строил «великолепные кумирни» и подвергал себя «умерщвлению плоти и подвижничеству» [Там же, с. 162].

Принятие ислама Ноурузом и начало исламизации ойратов в Персии

После смерти иль-хана Аргуна около четырех лет правил Гейхату (Кенджату-хан), второй сын Абаки, при рождении нареченный «бахшиями» Иринчин-дорджи, после него – Байду-хан, другой внук Хулагу. Байду был правителем Багдада и пришел к власти после убийства Гейхату. «Когда царевич Газан, правивший Хорасаном со времени смерти отца своего Аргун-хана, узнал об убиении Кенджату и воцарении Байду-хана, то, решившись отомстить [за] смерть своего дяди, прибегнул к Эмиру Ноуруз-Гази, чтобы, посоветовавшись с ним о средствах, исполнить свое намерение», – писал Хондемир [7, с. 62].

Однако к тому времени Ноуруз был настроен против Газана, поскольку несколько ранее его отец иль-хан Аргун казнил Буга-чинсанга, своего первого министра и близкого друга Ноуруза. Кроме того, иль-хан вознамерился укрепить свою власть над полунезависимыми регионами, в частности, над Хорасаном, и передал правление не Ноурузу, а своему сыну Газану. Ноуруз имел ставку в Герате и Мазандеране – ключевых регионах Хорасана. Будучи другом Буга-чинсанга и потому считая

¹ 13 марта 1288 г. по европейскому летоисчислению.

себя обреченным, он взбунтовался. После упорных боев, летом 1290 г. Ноуруз был вынужден бежать к Хайду, правителю из дома Угэдэя, который сам в это время вел борьбу с Хубилаем. В окружении Хайду и в его войсках было много ойратов¹, его сородичей, на которых Ноуруз и рассчитывал опереться. Хайду смог выделить ему некоторое количество ойратских войск, с которыми он вернулся в Хорасан, однако вскоре командиры этих частей разошлись с ним в целях военной кампании, и Ноуруз отбыл в Систан.

В Систане он сошелся с Урун-Тимуром, другим представителем дома Угэдэя, и при поддержке его войск объявил о борьбе за веру, против чагатаидов и иль-ханов. А поскольку у первых, а нередко и у вторых была обычной ссылкой на законы Чингисхана (Ясу) и вообще на чингизидство, то Ноуруз решил опираться, в первую очередь, на местные обстоятельства – на традиционные положения ислама [8]; он принял ислам. Как отмечал Хондемир, «этот Эмир Ноуруз... по смерти отца своего (т.е. Аргун-аки. – *Б.К.*) находился при дворе Аргун-Хана; когда же Бука, по повелению сего Государя, был предан смерти, он бежал в восточные провинции государства, принял там ислам, и воспламенившись ревностью к вере, перебил множество идолопоклонников» [7, с. 62].

Таким образом, путем принятия ислама Ноуруз создал своего рода идеологический симбиоз между положениями требований Чингисхана (кочевничество) и сурами Корана (оседлость). Возникла новая система политических отношений, когда религия (ислам) становилась новым источником политической легитимности, в отличие от принадлежности к чингизидам. Слово эмира, кем был тогда Ноуруз, было более весомо, чем право чагатаидов, угэдэйцев или хулагуидов [8, с. 462]. Нечто подобное будет иметь место позже, в XVII в., когда, путем установления ойратами (хошутами) своей власти в Тибете, значимость и легитимность чингизидства (власти, влияния) потеряет свою ценность перед титулами, которые будут вручаться ойратским и монгольским ханам далай-ламами.

Иль-хан Байду, вероятно, также был верующим буддистом. В частности, об этом говорит тот факт, что вести переговоры с Газаном он поручил Кяшхер-бахши (Кашмир-бахши) [5, с. 161]. Газан нуждался в поддержке своего бывшего атабека, который «долгое время... находился во вражде с царевичем Газаном, но наконец, в 690 году, они помирились, и Эмир Ноуруз, прибыв к Газану, целовал его ногу, и сделался

¹ Автор уже писал о поддержке Хайду ойратами, в т.ч. из-за религиозных убеждений [3, с. 73].

весьма сильным при сем Государе, и был удостоен особенной его милости» [7, с. 63]. Ноуруз принес свои извинения, и по случаю этого важно-го примирения Газан воздвиг ово¹ [5, с. 156].

Планируя подчинить себе Ирак и Азербайджан, Газан прислушивался к советам Ноуруза, который за свою помощь обратился к Газану с просьбой принять ислам: «чтобы Царевич оставил свое неверие и идолопоклонство, и принял веру последнего Пророка. Газан согласился, и в месте, называемом Фируз-Куг, публично исповедал единство Божие. В сей же самый день, милостию Господнею, несколько тысяч человек перешли из бедствия неверия к блаженству ислама» [7, с. 62–63; см. также 5, с. 163]. Газан принял ислам в начале месяца шабана лета 694 г. (вторая половина 1295 г.).

Таким образом, если прежде военачальники и правители Иль-ханства в своих требованиях и установлениях ссылались на традиционные монгольские институты власти: Ясу Чингисхана, традиции, в т.ч. и на значение курултая – традиционного монгольского института управления и власти, то теперь ситуация стала изменяться, причем на первый план стал выходить принцип религиозной принадлежности. Кроме того, принятие ислама давало необходимую легитимность правителям в стране, где преобладал ислам, и Газан получал поддержку со стороны местной исламской знати. Этот шаг был политически безошибочным, прежде всего, в условиях острой борьбы за власть с буддистом иль-ханом Байду. Окрыленный такими идеологическими победами, Ноуруз путем дипломатической ловкости, личной храбрости и религиозной ориентации смог расстроить планы Байду по борьбе с Газаном, переманил его окружение на свою сторону, преследовал Байду до Нахичевани, где и убил его.

Газан стал новым иль-ханом: «В месяце Джуль-Хидже 694 года, в день праздника Идуль-Адха, Газан-хан звездой своего восшествия осветил мир, и своею щедрою особою украсил трон мироправления. В сей же самый день издан был ярлык, которым повелевалось монголам, низвергнув основание неверия, принять высочайшую религию мусульманскую» [7, с. 66]. По указу Газана были разрушены «все храмы бахшиев, кумирни, церкви и синагоги» [5, с. 165]. Таким образом, несмотря на то, что и до Газана был иль-хан Текудер, принявший ислам, отчет исламского возрождения в Персии следует вести именно с Газана, поскольку он кардинально изменил религиозную картину страны, которая из мозаичной многоконфессиональной стала быстро превращаться в монорелигиозную.

¹ Ово – шаманское и буддийское сооружение, представляет собой, как правило, груды камней, над которыми возвышается сакральный деревянный шест.

Безусловно, были и иные, не менее, а может, и более важные причины для принятия ислама ойратами и монголами в Персии. К ним следует отнести, прежде всего, экономические выгоды: мусульмане платили меньше налогов, чем немусульмане, и обладали различными преференциями. Кроме того, еще при Хулагу шиитские деятели разработали теорию, позволившую объявить монголов потомками детей от Кетуры – третьей жены библейского Авраама, и, тем самым, монголы получили определенное «законное» место в исламской космологии [12, р. 142].

Важным моментом был и новоприобретаемый статус «своего» в преимущественно мусульманской стране. Иначе говоря, завершался процесс смены идентичности, который начался еще с первых походов монголов на Запад и был связан с потерей культурных, родственных, социальных, экономических и иных связей с прежней родиной, когда у этих кочевников формировались новые этнические группы и новые идентичности на фоне более широких инокультурных и иноэтнических локальных сообществ. Кроме того, буддизм не шел «в массы», оставаясь религией, в основном, правящей верхушки, в то время как основная часть монголов и ойратов, судя по всему, «возвращалась» в шаманизм.

Те монголы и ойраты, что не желали принимать ислам, были вынуждены отправиться обратно в Центральную Азию. По мнению Л.Н. Гумилёва, монголы (сюда он включает и ойратов) Ирана (имеется в виду Восточный Хорасан) приняли ислам, «так как из-за бушевавшей войны не могли вернуться домой. Их потомки – хазарейцы¹ – ныне живут в степной части Афганистана» [1, с. 127].

Недрузи Ноуруза, обеспокоенные его огромным влиянием, вскоре оклеветали этого видного деятеля в тайных связях с египетскими правителями [7, с. 67]; это было несложно, т.к. в то время ойраты имели значительное влияние в Египте (см. ниже). Спустя примерно два года после начала правления Газана Ноуруз был казнен. Еще через пять лет Газан скончался. Его правление было наполнено столкновениями с египетскими правителями и попытками подчинить себе Сирию, в ходе которых часть ойратов переселилась как в Сирию, так и в Египет (они стали известны там как *wāfidīyah* или *musta'minūn* – беженцы).

Ойраты в мамлюкском Египте

Еще в 1260-х гг. в мамлюкский Египет бежало немалое количество монголов с территории иль-ханства. Большое число беженцев прибыло в Египет в середине 1290-х гг., и это были, в основном, ойраты.

¹ Интересно отметить, что хазарейцы проживают в районе Бамиана, где находились две всемирно известные статуи Будды, уничтоженные войсками Талибана в марте 2001 г.

Скорее всего, они были из районов Эль-Джазира (Верхняя Месопотамия) и Мосула (столица Джазиры), где установили свою власть в ходе правления Газана. Как пишет А. Варданян, ойраты контролировали весь этот регион, а мощное войско ойратов занимало Диярбакыр¹ [14, р. 9].

Уход ойратов из Диярбакыра и Мосула в Египет был связан как с политической ситуацией в иль-ханстве (ойраты тогда потерпели поражение в попытках установить свою власть в государстве), так и с религиозной: ойратов, принявших суннизм, принуждали перейти в шиизм. Этот момент особенно обострится позже, при Олджайту, последующем иль-хане после Газана, когда монголов заставляли принимать шиизм, поскольку Олджайту прислушался к словам эмира Тарамтаза (Хашани), монгола по происхождению, о том, что шиизм более подходит их народу, нежели суннизм [12, р. 145]. Кроме того, среди ойратов оставались как буддисты, так и шаманисты.

В то время в Египте султаном был Китбуга (полное имя – Зайн ад-Дин Китбуга аль-Мансури). Это был монгольский военачальник ойратского происхождения [13, р. 122–123]. Он был взят в плен при разгроме монгольской армии под Хомсом в 1260 г., затем стал мамлюком и постепенно возвысился до султана, правил в 1294–1296 гг. Ойратов традиционно связывало родство в чуждом этническом окружении, и это обстоятельство как минимум однажды спасло жизнь Китбуге [Там же, р. 130]. Поэтому неудивительно, что он тепло отнесся к новоприбывшим сородичам (от 10 до 18 тыс. человек), и поселил их в районе аль-Хусайнийя – регионе к северу от Каира, известном отсутствием там порядка и закона. Современники выделяли отдельные качества и черты ойратов, в частности, писали, что они были удивительно красивы², и поэтому ойратские женщины были желанными невестами для элиты мамлюков. Кроме того, согласно «Хитад» аль-Макризи, ойраты «стали известны благодаря их zu'ага (бандитизму) и shuja'a (дерзости), и их называли al-Badura. Таким образом, ойрата можно было назвать аль-Бадр такой-то и такой-то. Они приняли одеяние futuwwa, и носили оружие» [9, р. 164]³.

Сейф ад-Дин Салар аль-Мансури, еще один видный ойрат, был пленен в бою под Абулустайном в 1277 г., и, спустя чуть больше 20 лет, стал одним из двух наиболее могущественных эмиров при дворе султана

¹ Ныне неофициальная столица турецкого Курдистана.

² Интересно отметить, что И. Ланда также считает их красивой внешность одной из ключевых причин потери идентичности в исламском окружении [11, р. 151]. Вероятно, и для монголов эпохи Чингисхана внешность ойратов была среди важных причин для матримониальных отношений монгольской элиты с ойратами.

³ Р. Ирвин даже полагает возможным считать их каирскими предшественниками сицилийских мафиози Нью-Йорка.

аль-Назира Мухаммада (1299–1309). О богатствах аль-Мансури слагались легенды [13, p. 123].

Несмотря на то, что ойраты могли считать себя мусульманами, представители местного мусульманского населения с подозрением относились к ним и не считали их за единоверцев. «Арабские летописцы отмечали ряд обстоятельств, касающихся ойратов: во-первых, что они не были мусульманами, и поэтому не соблюдали рамадан» [9, p. 164].

Надо отметить, что процесс принятия ислама монголами и ойратами не был случаен или связан только с именами Ноуруза и Газана. Точно также нельзя считать, что они сразу же стали «настоящими» мусульманами, поскольку буддийская вера, также как и шаманская, продолжала оказывать значительное влияние на мировоззрение и образ жизни этих кочевников, помогая сохранять свою идентичность. Прошли десятилетия, прежде чем ойраты Передней Азии и Ближнего Востока смогли доказать окружению, что они тоже мусульмане, но и в этом случае не все было решенным – сохранялась проблема этнической идентичности, социального положения и т.п. Позже, став частью единой уммы, ойратам пришлось отказаться от своих «природных» показателей идентичности, которые заключались не только в следовании Ясе или поклонении традиционным культам, в т.ч. и буддийским, но также в осознании своего исключительного положения в единой империи чингизидов и, что особенно важно, в восприятии себя как ойратов, выходцев из южно-сибирских регионов. Следует согласиться с мнением И. Ланды, что основная причина в потере ойратами своей идентичности лежит в принятии ими ислама [11, p. 151].

Заключение

Ноуруз, сын Аргун-аки, принял ислам под влиянием политических событий и в попытке укрепить свое положение в Хорасане, когда он был вынужден бороться с представителями правящих домов семьи Чингисхана – с толуидами (хулагуидами), чагатаидами и угэдэйцами. Вероятно, и его роль в обращении Газана в ислам следует объяснить стремлением дать новое идеологическое обоснование очередному правителю страны, все еще сориентированного на прежние монгольские (чингисхановские) порядки и традиции, в т.ч. и на буддизм, в условиях давления со стороны других толуидов, а также чагатаидов и угэдэйцев. Приверженность многих монголов, в т.ч. ойратов, буддизму или шаманизму была общеизвестна, что и определило настроенное отношение мусульман этого региона к новообращенным единоверцам. То, что современники тех событий не всегда отождествляли религию

ойратов как исламскую, говорит, скорее, в пользу значимости для ойратов сохранения своей идентичности, во многом основанной на шаманско-буддийском культурном пласте. Неудивительно, что именно исламизация привела ойратов Персии и Ближнего Востока к потере своей идентичности как отдельного особенного народа, носителя буддийской культуры и шаманских практик.

Библиографический список

1. Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993.
2. Киракос Гандзакечи. Краткая история периода, прошедшего со времени святого Григора до последних дней, изложенная Вардапетом Киракосом в прославленной обители Гетик. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gandzakeci/frameset5.htm> (дата обращения: 21.03.2016).
3. Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М., 2004.
4. Китинов Б.У. К вопросу о составе ранних ойратов // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2016. № 3. С. 52–57.
5. Рашид-ад-дин Фазль-Аллах Абу-ль-Хайр Хамадаин. Сб. летописей. М.-Л., 1946. Т. 3.
6. Рашид-ад-дин Фазль-Аллах Абу-ль-Хайр Хамадаин. Сб. летописей. М.-Л., 1952. Т. 1. Кн. 1.
7. Хондемир. История монголов. От древнейших времен до Тамерлана / Пер. с персид. СПб., 1834.
8. Hope M. The 'Nawrūz King': the rebellion of Amir Nawrūz in Khurasan (688–694 / 1289–94) and its implications for the Ilkhan polity at the end of the thirteenth century // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2015. October. Vol. 78. № 3. Pp. 451–473.
9. Irwin R. 'Futuwwa': Chivalry and Gangsterism in Medieval Cairo // Muqarnas. 2004. Vol. 21. Essays in Honor of J.M. Rogers.
10. Kitinov B. Buddhism and Islam in political processes in the Kalmyk Khanate at the beginning of XVIII century // A Collection of Abstracts of the 6th Beijing International Seminar on Tibetan Studies. Beijing, 2016. Pp. 68–69.
11. Landa I. Oirats in the Ilkhanate and the Mamluk Sultanate in the Thirteenth to the Early Fifteenth Centuries: Two Cases of Assimilation into the Muslim Environment. URL: http://mamluk.uchicago.edu/MSR_XIX_2016_Landa.pdf (дата обращения: 1.12.2016).
12. Pfeiffer Ju. Confessional ambiguity vs confessional polarization: politics and negotiations of religious boundaries in the Ilkhanate // Politics, Patronage and the Transmission of Knowledge in 13th–15th century Tabriz. Leiden; Boston, 2014. Pp. 129–168.
13. Reuven A. Mamluks of Mongol origin and their role in early Mamluk political life // Mamluk studies review. 2008. Vol. 12. № 1.
14. Tshal pa kun dga rdo rje brtsams. Deb ther dmar po. Beijing, 1981.
15. Vardanyan A. A Contribution to the History of the Oirat Mongols: Some Coins of the Sutayid Rulers of Al-Jazira and Southern Armenia, 740–750s / 1340–1350s // Journal of the Oriental Numismatic Society. 2013. № 217. Pp. 9–15.